

ский вестник. 1996. № 2; Подсвилов И. [Предисл. к рассказу «Тайна Боттичелли»] // Бежин луг. 1996. № 4; Жукова Л. Уточнение идеала // Лит. Россия. 1999. № 17; Ротов В. Проталина в безвременьи // Ротов В. Ближе к истине. Краснодар, 2000. С. 485–489; Чукуров В. Предмет для раздумий // День лит.-ры. 2000. № 11–12; Потапов Вл. С верой в Россию // Слово: [газ.]. М., 2001. 5 окт.; Шашин В. Писатель по имени и по званию // Рогов В.: Претендент на царство. М., 2003. С. 307–341; Переяслов Н. Писатель предупреждает... // День лит.-ры. 2004. № 3; Переяслов Н. Пока народ безмолвствует... // Лит. газ. 2004. № 11.

Т. Н. Акулова

РОДИОНОВ Иван Александрович [8(20), по др. данным 9(21)]. 10.1866, ст. Камышовская Области Войска Донского — 24.1.1940, Берлин; похоронен на православном кладбище в Тегеле] — прозаик, публицист.

Из дворян Области Войска Донского. Профессиональный военный. Воспитывался в Елисаветградском кавалерийском училище (1881–84) и Новочеркасском юнкерском училище (1884–86), куда перевелся по собственному желанию. Окончил училище по 1-му разряду и был выпущен подхорунжим в комплект донских казачьих полков. Служил в 1-м и 10-м донских казачьих полках. Смолodu мечтал стать писателем (см. рукопись его ранней повести о помещичьей жизни на

И. А. Родионов

Кубани — архив Боровичского краеведческого музея Новгородской обл.). Первое выступление в печати — «**Казачьи очерки**» (Русское обозрение. 1894. № 4–6) о действиях против горцев казачьего отряда под командованием Я. П. Бакланова.

В годы первой русской революции подьясаул Р. командовал казачьей сотней, усмирявшей бунтовавших рабочих в г. Боровичи. Выйдя вскоре в отставку, женился на А. А. Кованько, дочери заводчицы, и поселился в ее родовом имении Устье. Служил в Боровичах земским начальником. Близкое знакомство с председателем Государственной думы в 1911–17 помещиком М. В. Родзянко (сосед Р. по имению), иеромонахом Илиодором (в миру С. М. Труфанов, земляк Р., донской казак) и епископом Гермогеном (в миру Г. Е. Долганов) способствовало обретению широких связей и знакомств с сановными и церковными (Р. был очень набожным человеком) кругами Москвы и Петербурга. Р. был даже представлен царской семье.

Написанная Р. по горячим следам первой русской революции повесть «**Наше преступление (Не бред, а быль)**» с подзаголовком «Из современной народной жизни» принесла автору неожиданную и шумную известность. Книга появилась в изд-ве А. С. Суворина осенью 1909 и в течение последующего года выдержала 5 изд. Вскоре ее перевели на мн. европейские яз. По инициативе А. Ф. Кони «Наше преступление» было выдвинуто на соискание Пушкинской премии.

Сочинение Р. поражало читателя пусть и односторонней, но трезвой и жестокой правдой о народе, который, как утверждал автор в предисл., «спился, одичал, озлобился, не умеет и не хочет трудиться». Причиной тому — «разобщение русского культурного класса с народом». По мнению Р., «народ брошен и, беспомощный, невежественный, предоставлен собственной бедной судьбе. Если вовремя не прийти к нему, то исход один — бездна, провал, дно». Автор призвал интеллигенцию нести «во глубину России мир, свет и знания».

«Наше преступление» вызвало разноречивые отклики критики. Так, политический обозреватель «Нового времени» М. Меньшиков отмечал, что «после „Воскресения“ гр. Л. Н. Толстого» он «не читал более талантливой и более важного по значению романа, как „Наше преступление“». Соглашаясь с Р. в том, что «русское образованное общество бросило народ на произвол стихий», Меньшиков добавлял: «идет гражданская

война», «самоистребление» народа, «взаимная порча жизни» (Новое время. 1909. 25 окт.). К. Чуковский назвал «Наше преступление» «самой отвратительной, самой волнующей, самой талантливой из современных книг». По его мнению, «это те же „Вежи“, но не об интеллигенции, а о крестьянах». Повесть К. Чуковский противопоставлял горьковскому «Лету», отдавая явное предпочтение автору «Нашего преступления»: «Правда ему (Горькому. — Ред.) не нужна. Ведь не рассказы он пишет, а манифесты. Им уже сочинен манифест о рабочих „Мать“; манифест о крестьянах — „Лето“; теперь и о мещанах печатается его манифест „Городок Окуров“. Ни одного российского коллектива не хочет он оставить без манифеста. Скоро, кажется, возьмется за дворян» (Речь. 1911. 28 февр.). Восторженно встретил появления книги Б. Б. Глинский: «...Спасибо талантливому автору, который сразу одной небольшой книжкой создает себе крупное имя в русской литературе, за его труд, за его диагноз большой деревенской России» (Исторический вестник. 1910. № 5. С. 734). Ив. Соловьев отмечал, что Р. вывел новый тип крестьянина — «он и убийца, и развратник, и богохульник, и все это им творится <...> из любви к искусству», в нем — «дикое, бессознательное, стихийное глумление над „общей правдой“» (Преступление интеллигенции. Критико-публицистический очерк по поводу выхода книги Родионова «Наше преступление». М., 1911. С. 11–12). Заинтересованным читателем повести был Л. Н. Толстой, высказавшийся (31 окт. и 1 нояб. 1909 г.) по ее поводу: «Талантливо, но мысль нехороша. Описывает разврат народа. Это хорошо описано: он знаток, но односторонне»; «Прекрасный язык, народный... Суд ужасно длинен, но прекрасно, верно описан» (ЛН. Т. 90. Кн. 4. С. 91, 92). Благоприятное впечатление о «романе... дышащем неподдельной искренностью и несомненной правдой», — сообщал в письме А. Ф. Кони от 28 окт. 1909 К. Р. (Константин Романов) (Новый мир. 1994. № 4. С. 206). Пушкинской премии Р. не получил, однако рецензент А. Гиляров, автор официального отзыва, считал, что повесть «Наше преступление» «заслуживает похвального отзыва» за меткие характеристики и яркие бытовые картины, в целом же она — «тенденциозная, с резко выраженной боевой политической окраской <...> произведение лжехудожественное» (Архив РАН. СПб., филиал. Ф. 9. Оп. 3).

Новое произведение Р. — сатирическая былина «Москва-матушка» (СПб., 1911;

Екатеринослав, 1911; Берлин, 1921) — обнаруживала весьма специфичный, «казачий» взгляд автора на отдельные периоды русской истории, в частности, взаимоотношения «порфиросной вдовы» Москвы-матушки с ее «сыном» Петербургом. Либеральная печать обошла былину молчанием. Монархическая же пресса обвинила Р. в клевете: «Это злая сатира на всю Русь». Автор «не уловил духа истории... не смог изобразить в живых картинах великих деяний Москвы как Собираательницы Земли, как созидательницы Русского Царства» (Земщина. 1911. 19 сент.).

В дек. 1911 Р., убежденный монархист, примкнул к заговору против Г. Распутина, организованному Илиодором (см.: Родзянко М. В. Крушение империи. Л., 1929. С. 24, 40–41; Илиодор (С. Труфанов). Гриша // Белецкий С. П. Григорий Распутин (Из записок). Пг., 1923). После провала заговора Р., втянутый в орбиту закулисных интриг, в меру своих сил и возможностей продолжал борьбу против Распутина, оказывая всяческую поддержку его противникам. Всей своей деятельностью, творческой и гражданской, Р. стремился привлечь внимание русского образованного общества на то, что, по его мнению, являет опасность и мешает естественному течению национально-исторической жизни России. В февр. и марте 1912 Р. выступил в Русском собрании Петербурга с докладами, вскоре изданными отдельной книгой в типографии А. С. Суворина (**Два доклада. Неужели гибель? Что же делать?** СПб., 1912), в которой дал развернутый анализ состояния экономической, социальной, культурной и церковной жизни страны, охарактеризовав его как катастрофическое: «Теперь народ отшатнулся от церкви и перестал бояться и уважать власть <...>. И народ доспел до революции. Он перестает быть народом-созидателем, народом-государственником и с головокружительной быстротой всей своей громадой обращается в преступную чернь <...>, народ пойдет убивать и грабить всех и вся, доколе камня на камне не останется. И Россия в настоящем положении моему воображению рисуется, как безбрежный, взбаламученный океан, голодный и злобный <...>. Народ заплутался, потеряв смысл своего существования, и с звериным ревом тяжелой глыбой ринулся в нижнюю бездну» (Два доклада. С. 73, 77, 80). В том, что народ пьет, распутничает, богохульствует, физически вырождается («мечты Петра Верховенского сбылись как сон наяву»), Р. обвинил сионистов, будто бы умышленно спаивающих народ, захвативших российскую печать, фи-

нансы, торговлю и др. области, прибегнув к стандартному набору антисемитских измышлений, и т. п. В «Двух докладах» Р. остановился на положении казачества, предостерегая: «Революции и бунты не могут у нас иметь решительного успеха до тех пор, пока за целостность престола стоит казачество. Но сохрани Бог, если оно поколеблется» (С. 75). К этим мыслям Р. возвращается в историко-публицистических очерках **«Тихий Дон»**, печатавшихся в 1913 в ж. В. М. Пуришкевича «Прямой путь», которые вскоре были изданы отдельной книгой (СПб., 1914, на титуле — 1913). В книге **«Тихий Дон»** Р. выступил против законодательных актов правительства, направленных на «расказачивание» — ущемление исторически завоеванных привилегий казачества, которому Россия, по его мнению, во многом обязана своим существованием. Р. считал роковой ошибкой заселение Донской обл. иногородними и инородцами, в чем видел предпосылки для возможного конфликта между коренным и некоренным населением. «Мнение о том, — подчеркивал Р., — что казачество как сословие исчерпало себя, совершенно ошибочно» (Тихий Дон. С. 223).

В годы Первой мировой войны Р., есаул 39-й особой казачьей сотни, принимал участие в боевых действиях. С окт. 1915 Р. — штаб-офицер при цензурном отделении — назначен редактором газ. Юго-Западного фронта «Армейский вестник», которую редактировал вместе с А. А. Курсинским, изредка помещая в ней статьи и заметки (за подписями «И. Р.» и «Р.») на общественно-политические темы, о пьянстве, дезертирстве в армии, откликнулся на события столичной жизни.

В окт. 1916 Р. оставил пост редактора «Армейского вестника». В мае 1917 он принял участие в работе 1-го Всероссийского офицерского съезда, который состоялся 7–22 мая (20 мая — 4 июня) в Могилеве. На этом съезде был принят устав и избран Главный комитет, который сыграл важную роль в подготовке и проведении корниловского мятежа. В сент. 1917 Р., член Главного комитета «Союза офицеров армии и флота» и активный участник корниловского выступления, был арестован вместе с др. его участниками и по решению Чрезвычайной следственной комиссии для расследования мятежа содержался в быховской тюрьме вместе с Корниловым, Деникиным, Лукомским и др. будущими деятелями Белого движения. Тогда записал в быховский альбом: «В России пир во время чумы. Но не вечна ночь... Тяжко думать, что розоветь начнет тогда, когда от великой русской земли останутся одни жалкие

лохмотья, а отрезвевший народ увидит себя одуроченным, обобранным, под чужеземным потом» (Белое дело. Летопись борьбы. Берлин, 1927. Ч. 2. С. 19).

После освобождения из быховской тюрьмы Р. бежал на Дон, в столицу Войска Донского Новочеркасск. Здесь редактировал газ. «Донской край» и «Часовой», занимал крайне монархические и прокрасновские позиции. В Новочеркасске переиздал книгу «Протоколы сионских мудрецов» (см.: Бостунич Г. Правда о Сионских протоколах. Митровица. Югославия, 1921. С. 16). В 1918 принял участие в корниловском Ледяном походе, позднее описал его в повести **«Жертвы вечерние (Не вымысел, а действительность)»** (Берлин, 1922). А. Гершельман в «Двуглавом орле» писал: «Недавно вышедшая и за короткий срок получившая широкую известность книга» рисует «гибель безумно смелых детей за преступления отцов, пошлой игрой в либерализм промотавших свою родину» (1922. Вып. 29. С. 11; др. рецензии: Рогович А. // Там же. Берлин. 1922. № 30; Изгнанник // Казачий сб. 1922. № 1).

Службу в Добровольческой армии Р. закончил полковником. Он рано отошел от Белого движения, поняв его историческую обреченность. Эмигрировал в Турцию. Вызвавший его оттуда генерал Врангель предложил «стать во главе печатного дела» армии, однако Р. отказался от этого: «...Чтобы победить большевиков, нужно одно из двух: или мы должны задавить их числом, или же духовно покорить своей святостью. Еще лучше бы то и другое. Вот здесь хоть и благочестивы, но не святые. Ну, а о количестве и говорить не приходится. Поэтому дело наше конченное, обреченное» (Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 247–248).

Из Турции Р. переехал в Белград, а затем в Берлин, где переиздал некоторые свои произведения, в т. ч. «Два доклада» (Белград, 1932), подчеркнув этим неизменность своих убеждений. В эмигрантский период Р. были созданы романы **«Любовь»** (Белград, 1922) и у **«Последних Свершений»** — итоговое произведение автора. Над этим романом Р. работал длительное время и не мог опубликовать его полностью из-за отсутствия денежных средств. Были изданы два относительно самостоятельных фрагмента — **«Сыны дьявола»** (Белград, 1932) и **«Царство Сатаны: Из загадочного к реальному»** (Берлин, 1937). Обе книги почти бессюжетны, построены в форме диалога двух героев, перемежающегося авторскими отступлениями на

библейско-евангелические темы. В основу «Сынов дьявола» положено учение, изложенное в «Протоколах сионских мудрецов»: член всемирного израильского правительства Дикис посвящает своего ученика Липмана в историю возникновения и программу этой тайной организации. В книге «Царство Сатаны» Р. со своих мировоззренческих позиций прибегает к толкованию смысла апокалипсических пророчеств отдаленного и близкого прошлого истории человечества, прежде всего истории России, Русской Православной Церкви и Израиля.

Жил Р. в страшной бедности. О последних днях его сохранилось свидетельство архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Странника), зафиксированное в его переписке с П. Н. Красновым: «Вот бедняк Ив. Ал. Родионов, перед кончиной своей, вздумал „перетолковывать“ Апокалипсис сообразно своим идеям; и сын его, Гермоген, мне рассказывал, что нельзя передать, до чего ужасна была кончина его отца. Буквально, словно какой-то невероятный ужас дьявольский вздыбил Ивана Ал., после чего он упал бездыханным...» (Континент. 1988. № 56. С. 317).

В конце 1980-х появились публикации, необоснованно возводящие Р. в ранг «претендента» на авторство романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» (см.: Континент. 1985. № 44; Час пик. СПб. 1989. № 4; Огонек. 1993. № 17; 1994. № 2–3).

Соч.: Разгром усадьбы // Прямой путь. 1914. Февр.; Тихий Дон / предисл. В. Н. Запелалова. СПб., 1994; Наше преступление / вступ. статья Г. Стукаловой. М., 1997.

Лит.: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 352; Дудаков С. История одного мифа: Очерки русской лит-ры XIX–XX вв. М., 1991. С. 197–198; Запелалов В. Н. Автором «Тихого Дона» был И. А. Родионов? // Час пик. 1994. № 10. 16 марта; Сатарова Л. Г. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992; Краюхин С. «Тихий Дон» из спецхрана: Развеена еще одна лит. мистификация // Известия. 1993. 17 нояб.; Гетманец Г. О. И. О. Родионов і літературний процес кінця XIX — початку XX століть: Автореферат дис. на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Харків, 2004.

В. Н. Запелалов

РОДИОНОВ Станислав Васильевич [4.3. 1931, г. Белев Тульской обл.] — прозаик.

Окончив среднюю школу г. Боровичи Новгородской обл., в 1950 переехал в Ленинград, в 1952–60 — участник геологических экспедиций в районы Дальнего Востока

С. В. Родионов

и Казахстана. В 1960 заочно окончил юридический ф-т ЛГУ и с 1960 по 1973 работал следователем прокуратуры г. Ленинграда, получил звание младшего советника юстиции. Работал корреспондентом газ. «Вечерний Ленинград», преподавателем в ЛГУ и юрисконсультком.

Дебютировал как юморист в ж. «Звезда» (1962. № 7). Трижды (1970, 1972, 1974) его юмористические рассказы были удостоены премии ж. «Крокодил». В 1974 вступил в СП СССР. Первая книга, сб. юмористических рассказов «**С первого взгляда**», вышла в Ленинграде в 1976.

Широкую известность писателю принесли произведения детективного жанра. «Писать детективы, — признается писатель, — начал из-за крутой ненависти к преступности» (Г. Пилиев). Первая книга детективного жанра — сб. повестей «**Следователь прокуратуры**» — вышла в Ленинграде в 1976.

Книги Р. 1970-х тяготеют к жанру психологического романа. Писатель исследует не только психологию преступника, мотивы, которые толкают его на преступления, но и психологию следователя, который, общаясь с людьми, преступившими закон, должен соблюдать и юридические, и нравственные законы.

Сюжет повести «**Допрос**» (1975) — допрос следователем Рябининым нагловатой